

ВЕДЬМАК

ВЕДЬМАК

АНДЖЕЙ САПКОВСКИЙ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

КОГТИ И КЛЫКИ
СКАЗАНИЯ ИЗ МИРА ВЕДЬМАКА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84 (4Пол)-44
В26

WIEDZMIN. SZPONY I KŁY

Публикуется с разрешения агентства *NOWA Publishers* (Польша)
при содействии *Агентства Александра Корженевского* (Россия).

Перевод с польского *Сергея Легезы*

Иллюстрация *Дмитрия Андреева*

Дизайн *Галины Смирновой*

Ведьмак. Когти и клыки: Сказания из мира ведьмака : [Антология] / Ред.-сост. Данута Гурская, Мирослав Ковальский, Марчин Звешховский. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 384 с. — (Легендарные фантастические сериалы)

ISBN 978-5-17-113512-6

Беловолосый ведьмак Геральт из Ривии размял уже четвертый десяток лет. За это время сага о его приключениях приросла комиксами по обе стороны океана, не слишком удачной экранизацией, сверхпопулярной серией компьютерных игр и даже карточным «Гвинтом». Не за горами и главное событие — сериал от «NETFLIX». Так почему бы в ожидании нового киновоплощения Белого Волка не скоротать время за сборником рассказов, написанных по миру ведьмака? Особенно если рассказы эти — авторства молодых (и, без сомнения, талантливых) польских писателей, прошедших строгий отбор авторитетной комиссии во главе с самим Анджеем Сапковским.

Действительно ли жар-птица — это миф? Что произошло во время очередной встречи Геральта и Литты Нейд, известной как Коралл? Чем закончилась совместная охота Трисс Меригольд и Ламберта на химеру? Почему все-таки Койон презрел извечный ведьмачий нейтралитет и пошел на войну, и чем она закончилась для непримиримой эльфки Торувель? Каков мэтр Лютик в роли призрака? Что на уме у стырги, за головой которой охотится беловолосый ведьмак?

Говорите, Геральт из Ривии умер? Полноте! Легенды не умирают!

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84 (4Пол)-44

Copyright © for this selection by *Niezależna
Oficyna Wydawnicza NOWA sp. z o.o.,
Warszawa 2017*

© С.В. Легеза, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ISBN 978-5-17-113512-6

Ну, да. Тридцать лет прошло.

Ведьмак, готовый наняться за три тысячи оренгов... Впервые появившись в Вызиме, в корчме «Под Лисом», он был уже не молод. Побелевшие волосы, шрам на лице и эта характерная мерзкая улыбочка. Начал, что называется, с верхней октавы: трое бандюганов, потом стрыга и прочие чудовища — люди и нелюди, — не достойные жить в данном нам мире. А потом Белый Волк пошел своим путем. Тернистым, так бы я это назвал; ну что ж, каждый учится на своих ошибках.

Где-то издалека мне со значением подмигивает Голливуд, но пока что — станем радоваться тому, что выловили на своем «ведьмачьем» конкурсе «Nowa Fantastyka» и «SuperNOWA»: одиннадцати рассказам, вдохновленным судьбами Геральта, а также его друзей и подруг. Я читал их внимательно, не вмешиваясь в текст.

Среди участников конкурса к тридцатилетию ведьмака есть люди очень талантливые. Наверняка они вскоре создадут свои миры или попытаются изменить уже существующие. Будем же за ними наблюдать!

Анджей Сапковский

Марчин Звешховский

ПРЕДИСЛОВИЕ.
НАСЛЕДИЕ БЕЛОГО ВОЛКА¹

Когда некоторое время назад в интервью я поинтересовался мнением Анджея Сапковского, тот ответил так: «Есть только один оригинальный ведьмак. Мой. И никто у меня его не отберет». Естественно, он тут был прав, поскольку, что бы ни происходило, а Геральт останется его творением, неразрывно связанным с рассказами, напечатанными еще в «Фантастыке»², теми, что были позже собраны в «Мече Предназначения» и «Последнем желании», и с пятью романами, которые составляют «Сагу о ведьмаке». Недавно — и несколько неожиданно — появился еще «Сезон гроз», и на этом канон (используя термин, описывающий миры «Звездных войн») пока что завершен.

Однако Белый Волк уже достиг зрелости, ему исполнилось тридцать, если считать от публикации рассказа «Ведмак» в «Фантастыке» № 12 1986 года, и за время своей насыщенной приключениями жизни он дождался если не детей, то... отдаленных родственников. А потому, кроме Геральта из Ривии, мы знаем еще и Геральта из Комикса, Геральта из Компьютерной Игры, геральта из Фильма-Который-Мы-Не-Вспоминаем,

¹ DZIĘDZICTWO BIAŁEGO WILKA. Przedmowa copyright © by Marcin Zwierzchowski, Warszawa 2017.

² Имеется в виду польский журнал «Fantastyka», где и дебютировал А. Сапковский с рассказом «Ведмак», положившим начало циклу о Геральте. — *Здесь и далее примеч. пер.*

Геральта из Американского Комикса, и даже Геральта из Большого Киева и несколько Геральтов из-за восточных границ. В этом году мы дождались Геральта Музыки и с нетерпением высматриваем Геральта из Сериала — на этот раз по мечу — из рода Багиньского, по кудели — из «Нетфликса».

И вот в этой книге вы тоже найдете Геральтов, Лютиков, Ламбертов, Койонов¹ и Йеннефер: всех «из Антологии».

Каждый из них, хоть и не является ребенком Анджея Сапковского, был — как бы оно ни прозвучало — зачат с мыслью о нем. Животворной искрой была здесь увлеченность тем, что авторы и авторессы разных поколений нашли и продолжают находить в историях о ведьмаке.

Ведь в нашем мире увлеченность — это мера величия произведения поп-культуры. Взгляните на Супермена, Микки Мауса, Хеллбоя, Ксеноморфа, Кинг Конга или Дракулу — у каждого из этих культовых персонажей есть свой создатель/создательница, каждый из них ожил много лет назад в классическом уже на сегодняшний день произведении, каждый из этих героев остается живым в немалой мере как раз оттого, что произведение о нем оказалось настолько сильным, что повествование это увлекло прочих, переросло оригинал и получило новую жизнь в очередных инкарнациях. Например, «Дракула» Брэма Стокера нынче читается исключительно фэнами «ламповой» готики, однако сам граф продолжает раз за разом возвращаться — как это пристало настоящему бессмертному — в разнообразнейших воплощениях.

¹ Правильнее было бы «Коэн», однако везде в сборнике мы придерживаемся сложившегося написания имен персонажей (за исключением Йеннефер, уже вернувшей свое настоящее имя в переводе «Сезона гроз»).

Нынче сделались модными так называемые «вселенные». Потому что и поп-культура нынче — это множество разнообразных медиа, причем все из них продолжают требовать просто-напросто хороших героев и повествований, тех, чьи судьбы будут важны для потребителей. Потому Гарри Поттер, несмотря на то что вырос из книг, уже перерос оригинального, вышедшего из-под пера Роулинг, а Бэтмен имел столько воплощений, что и не сосчитать — нынче прошло уже почти семьдесят лет после дебюта на страницах комикса, а Темный Рыцарь все увлекает и возвращается во все новых историях, благодаря им делаясь воистину бессмертным.

А Геральт из Ривии, ко всему прочему, еще и единственный «поляк», который движется такой вот тропой фигуры поп-культуры.

И потому-то эти очередные реинкарнации Белого Волка — суть свидетельства его величия. Эта антология — свидетельство тому. Достаточно заметить, насколько разные собраны в ней тексты, насколько по-разному авторы и авторессы черпали из Анджея Сапковского; можно только удивляться, что, например, «Баллада о Цветочке» и «Когти и клыки» появились благодаря увлеченности одним и тем же произведением. Это доказательство богатства мира, разнообразия героев и героинь «Саги...» — персонажей, интересных настолько, чтобы продолжать рассказывать о них все новые истории.

А чуть ли не наибольшей неожиданностью в организованном «Новой Фантастикой» конкурсе рассказов, из которого возникла и нынешняя антология, был тот факт, что, собственно, Геральт отнюдь не доминировал в этих повествованиях, что конкурсанты брались за совершенно разные элементы мира Анджея Сапковского,

дописывая разнообразнейшие сюжеты; помню, что, читая очередной текст, я все продолжал тщетно ждать появления Белого Волка, опасаясь даже, что в рассказах окажутся описанными все, кроме него, что, возможно, авторы и авторессы испугались этой иконы героики и предпочли искать для себя иные тропы.

Конечно же, Геральта я дождался. Собственно, очередная история его и Лютика приключений, «Край чудес» Петра Едлиньского, и выиграла конкурс «НФ».

При этом вердикт, хотя и единогласный, оказался отнюдь не легким. Поскольку, если конкурс и показал нечто интересное, так это то, что, стоя на плечах Сапковского, многие авторы и авторессы могут претендовать на собственное величие. Я долго раздумывал, отчего этот конкурс стал настолько удачным, отчего в финал мы отобрали больше тридцати рассказов, каким чудом мы без проблем набрали данную антологию из одиннадцати из них — ведь все должно обстоять хуже, уровень должен быть ниже, нам бы радоваться, попадись нам хоть несколько произведений, достойных печати. Но чтобы настолько много? Странно было бы предполагать такое!

Но — вот же.

Разные творцы шли разными тропами. Яцек Врубель в «Когтях и клыках» показал известную нам историю с другой перспективы, Барбара Шелонг в «Без взаимности» почти эхом повторила прекрасное «Немного жертвенности», в «Крае чудес» же блестящий Едлиньский так удачно передал дух оригинала, что на миг мог бы нас и обмануть, заставив поверить, что мы читаем нечто новое от самого Сапковского. Но одновременно были и тексты, которые шли к оригинальному ведьмаку едва ли по касательной, трактуя героев или описанные в «Саге...» и рассказах истории как исходные точки

для совершенно новых существей — тут я снова призываю в качестве примера отчаянно оригинальную и отважную «Балладу...», да добавлю еще «Урок одиночества» Гуля: сюжет в духе Сапковского, но весьма от него далекий, — а также «Иронию судьбы» Собеслава Каляновского и «Девушку, которая никогда не плакала» Анджея В. Савицкого, который — будучи прекрасно известным членам жюри по другим публикациям — перехитрил нас, выступив под женским псевдонимом. Два этих последних текста горстями черпали из бестиария, но, по сути, ни в чем другом Сапковскому не подражали.

Если же искать во всех этих рассказах общие моменты, то таковым будет глубокий гуманизм этих повествований. Независимо от того, говорили они о ведьмаках, эльфах, мантикорах, леших или кракенах, прежде всего — были это сюжеты о людях, о чувствах более или менее незначительных, — а этому в фэнтези мы как раз и научились у Анджея Сапковского, именно он указал нам, что силой истории является не дракон или охотник за чудовищами, но истина, которая делает историю универсальной. Отчетливей всего это наследие видно в трогательном «Размере повинности» и горьком «Без взаимности», как и в «Иронии судьбы» — уберите чудовищ, рыцарей, королей, и останется то, что говорит с каждым из нас.

Не стану утверждать, будто кому-то из авторов или авторесс, чьи рассказы представлены в этом сборнике, удалось сравниться с силой оригинальных историй Анджея Сапковского. Это было невозможное задание, что я прекрасно понимал, предлагая редакции «Новой Фантастики» идею подобного конкурса — как редактор отдела заграничной прозы, я прочитал тысячи рассказов, авторства таких мастеров, как Стивен Кинг, Джордж Р.Р. Мартин, Джо Холдеман, Нил Гейман, Фи-

липп К. Дик или Урсула К. Ле Гуин, а отобрал в печать уже больше трехсот из них — и по пальцам одной руки могу перечесть те из них, которые я бы решился без сомнений поставить в один ряд с таким шедевром короткой формы, как «Немного жертвенности».

Потому что ведьмак — только один. Его создатель — Анджей Сапковский. И мы не желаем его замещать, а хотим просто отдать ему дань своего уважения. И лучше всего делать это творчеством.

Петр Едлиньский

ПРЕДЕЛ ЧУДЕС¹

I

Ведьмак остановил коня на вершине холма и склонился в седле. Впереди лежали зеленые луга долины Чудовенки, однако путник не столько радовал свой взор, сколько прислушивался.

— Странно, — сказал он наконец.

Потому что странным оно и было — то, что, несмотря на обостренные ведьмачьи чувства, вот уже пару дней он не слышал птиц.

В долине уже всю царила весна. Пуща и вьющийся по ней тракт были наполнены жизнью. Кони ржали, насекомые звенели, люди, направлявшиеся к Чудовенке, кричали, орали и пели, и только птицы отчаянно молчали.

— Странно, — повторил Геральт полчасом позже. Остановившись отдохнуть на маленькой полянке, он сидел на поваленном стволе дерева и наблюдал за воистину необычным спектаклем.

Неподалеку, среди кустиков сочной зеленой травы, как раз сидели три птицы с темно-бурым оперением. Можно бы сказать, что — ничего особенного; однако были это не птицы нелетающие, а группка канюков. Геральт знал, что долина лежала на обочине обочины и за тридевятью межами, но и в эдаком-то зажоппе он, ско-

¹ KRES CUDÓW copyright © by Piotr Jedliński, Warszawa 2017.

рее, ожидал бы свистящих раков из пословицы, а не хищника, который изображал бы из себя фазана. Заинтересованный ведьмак некоторое время следил за канюками. Медальон не вздрагивал, не подал знака, что в игру вступила магия. Более того, казалось, что больше, чем каким-либо заклинанием, поведение птиц вызвано страхом. Чего они боялись, и почему страх этот не распространялся на других живых существ — Геральт понятия не имел.

И трижды странность: проезжая дальше сквозь заросли, приближаясь к селению в сердце долины, ведьмак наткнулся на оживший кустарник.

Растущие прямо около тракта сплетенные кустища затряслись, закашляли, ругнулись, свистнули — и на тракт из зарослей вышел мужчина. Перо цапли торчало из надетой набекрень сливовой шапочки, синий же кафтан был лишен одного из рукавов-буфф.

Однако на этот-то раз ведьмак даже не подумал, что происходящее — странное совпадение. Мир, как он убеждался вот уже долгие годы, воистину мал.

— Геральт! — крикнул потрепанный мужчина, отряхнувшись уже от листьев. — Я так и думал, что и тебя искусит ярмарка чудес!

— Привет, Лютик. Я так и думал, что прежде, чем начнется сама ярмарка, ты уже успеешь попасть кому-то под горячую руку.

— Да ладно, ладно, — поэт взмахнул голой рукой. — До Чудовенки я добраться не успел, остановился в соседнем сельце. А туземцы — такие туземцы. Жуткие дикари: в поэзии ни в зуб ногой, а уж тем более — в манерах.

— Есть смысл спрашивать?

— Ты что имеешь в виду, Геральт? Я не сделал ничего предосудительного, поскольку не успел. Все дело в том, что я, видишь ли, охотился на русалок...

— На русалок? Насколько помню, тут, несмотря на реку, русалок никогда не было...

— Эх, Геральт, не нуди. Назови девку русалкой — и никакая река не понадобится! Что плохо, семьи тут плодовиты как зараза, и на одну девицу приходится трое братьев. Да все ужасно грубы. Поймали меня, завязалась драка...

— Да конечно. За драку ты бы заплатил побольше, чем оторванным рукавом.

— Согласен, пусть так. Случилась стычка. Я от них сбежал.

— И каким же чудом, могу я спросить?

— Резво. Вперед, и не оглядываясь. Я тренировался.

Уж в этом Геральт не сомневался. Истиной, известной во всех Королевствах Севера, было то, что девять из десяти странствующих поэтов — неудачники и бес-таланщина, рассчитывающие лишь на аплодисменты женской половины публики. Лютик же принадлежал к по-настоящему одаренному меньшинству, что лишь помогало ему в азартном деле воскрешения женских головок. А это было неотделимо от опыта молниеносной эвакуации.

— Ну, Геральт! Что так смотришь? Дай-ка залезть на лошадь...

— Если хочешь вернуться в те края, то на охрану не рассчитывай.

— Я ведь не требую, чтобы ты бил морды сельским грубиянам. Довольно будет и глянуть на них косо да ухмыльнуться, как ты умеешь — и у них тут же в портках потяжелееет. Могу просить тебя хотя бы о малости жертвенности?

Геральт вздохнул, а ослабившийся поэт посчитал это капитуляцией. Которой, на самом деле, этот вздох, конечно же, и был.

* * *

— Значит, и ты направляешься в Чудовенку, на ярмарку. Покупаешь, Геральт? Или продаешь?

— Мне нечего продавать.

— Ну, а твои услуги? Туда всегда толпой валят те, кому угрожают некие проклятия, заклинания и всякие там монстры. Ведьмак тут пригодится.

— Намекаешь, что меня примут за еще одну диковину? А себя ты видел?

— Да ты в меланхолии, — вскинулся Лютик, но тут же вернулся к безнадежным попыткам разглядеть одежду. На некоторое время это его утишило.

Они ехали крутой тропой через молодой подлесок, сквозь завесы нагретого воздуха и клубы лесных ароматов, и во вдруг установившемся молчании Геральта снова прошла игла беспокойства.

— В меланхолии, — повторил поэт. — Но у меня есть на это ремедиум. Представь себе, к Чудовенке я добрался вместе с группкой краснолюдов. Подслушал их немного, поймал пару связок рифм, и теперь вот, сидя в подлеске, где прятался от тех гневливых уродов, творчески все переделал. Теперь у меня на вооружении есть куплет...

— Слышишь?

— Что? Я ничего не слышу.

— Именно.

— Геральт, не пугай меня! Ты что-то почувствовал?

— У тебя музыкальный слух. В здешних местах ты со вчерашнего дня. И не заметил ничего необычайного?

— Мы в долине Чудовенки, и полно тут чудовенков...

— Нет-нет. Послушай. Вот сейчас.

Лютик покрутил головой, скривился, пожал плечами. Однако удивил Геральта, обронив небрежно: